

А. В. АМФИТЕАТРОВЪ.

Разговоры по душѣ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
МОСКВА, МОХОВАЯ,
Д. БЕНКЕНДОРФЪ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. Д. ДРУТМАНЪ.

Замѣтки о Чеховѣ.

I.

17 января 1860 года.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 17 января 1860 года, родился Антонъ Павловичъ Чеховъ. Вдумайтесь въ эту дату: какъ далеко-давно, какъ допотопно-старо звучитъ ея прошедшее время въ изыскательномъ наклоненіи! Хотите помолодотить ее? Возьмите ту-же самую дату въ условномъ оборотѣ:

— Если бы Антонъ Павловичъ Чеховъ не былъ отнятъ у Россіи раннею смертью шесть лѣтъ тому назадъ, ему сегодня исполнилось бы всего лишь пятьдесятъ лѣтъ.

Пятьдесятъ лѣтъ—огромная даль въ исторіи литературы, но весьма куций срокъ для жизни человѣческой. Даже у насъ, на Руси, гдѣ люди рано старѣются, и исторія общества дѣлается юношами или почти юношами, литераторъ дерзаетъ думать, что къ 50 годамъ онъ прошелъ приблизительно только двѣ трети пути, ему сужденнаго. Кто назоветъ старымъ писателемъ—писателемъ прошлаго—57-лѣтняго Короленко? Во Франціи, Англіи, Италіи пятьдесятъ лѣтъ для дѣятеля—политическаго, литературнаго, общественнаго—едва конецъ молодости и первая зрѣлость.

Собственно говоря, какъ обманчиво суровое старобразіе русской литературы и, въ сущности, какъ она, страдалница, изможденная въ разнообразіи тюремъ и мукъ своихъ, еще молода и нова!

Возьмемъ въ примѣръ эту дату—17 января 1860 года. Она очень важна и, до извѣстной степени, центральна въ новѣйшей исторіи русской литературы, ибо она возвѣщаетъ появленіе на свѣтъ великаго писателя, на долю котораго выпала огромная и грустная задача—поставить художественную концовку къ эволюціи дво-

рянско-буржуазной культуры и литературно ликвидировать русскій XIX вѣкъ.

Годъ рожденія Чехова—расцвѣтъ русскаго романа. „Рудину“ исполнилось тогда всего четыре года, „Асѣ“, „Тысячѣ душъ“ и „Обломову“—по два, „Наканунѣ“ и знаменитый нѣкогда „Подводный камень“ Авдѣева—ровесники Антону Павловичу, дѣти 60-таго года, „Отцы и дѣти“, съ типомъ Базарова, родоначальника художественно-матеріалистическаго анализа, который впоследствии Чеховъ доведетъ до глубинъ неописуемыхъ, до подробностей атомистическихъ, уже пишутся. Гончаровъ медленно выдумываетъ „Обрывъ“. Писемскій уже кончается. Достоевскій весь еще впереди, равно какъ и Левъ Толстой. Русскому роману предстоитъ быть властителемъ думъ русскихъ еще 20 лѣтъ—аккуратъ до времени, когда А. П. Чеховъ, студентомъ, начнетъ пробовать свои силы въ писательствѣ. Но мы знаемъ: его литературные дебюты застали русскую жизнь въ состояніи уже такой сложной и пестрой дифференціаціи, что даже его глубокій „атомистическій“ гений не успѣлъ охватить синтеза этой распыленной громады. Антонъ Павловичъ умеръ, не написавъ романа, о которомъ всю свою жизнь мечталъ онъ самъ и котораго страстно просило и ждало отъ него общество. Между тѣмъ, когда раздался первый младенческій крикъ Антопа Чехова, еще не вовсе вымерли или только очень недавно умерли первые русскіе литераторы, дерзнувшіе и сумѣвшіе быть романистами на европейскій ладъ. Всего за восемь лѣтъ до рожденія Чехова умеръ Загоскинъ (1852), за годъ—Фаддей Булгаринъ, авторъ „Выжигинныхъ“, за два—Сеньковский, за четыре—Бѣгичевъ. Еще живы были Лажечниковъ, Несторъ Кукольникъ, хотя перваго изъ нихъ уже Аполлонъ Григорьевъ называлъ „допотопнымъ“!

Восемнадцатый вѣкъ и—Чеховъ! Казалось бы, вотъ антиподы, вотъ дистанція огромнаго размѣра! Но—что же? Рожденіе Антопа Павловича Чехова, ликвидатора литературы XIX вѣка, отдѣлено всего шестнадцатью

годами отъ кончины баснописца И. А. Крылова (1844), которую завершилась литературная ликвидация вѣка восемнадцатаго! Крыловъ и Чеховъ — почти сосѣди! Сопоставьте-ка это. Попробуйте счастья въ западной параллели, вообразите смежными Лафонтена и Октава Мирбо, Аддисона или Попа и Бернарда Шоу. Больше того. Державинъ — для насъ — ими чуть не пещерное. Однако, поэтъ Тютчевъ, который родился въ 1803 г., а умеръ въ 1873 г., могъ бы еще, если бы случай привелъ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ видѣть и хорошо запомнить престарѣлаго пѣвца Фелицы (ум. 1816), а семидесятилѣтнимъ старикомъ погладить по головкѣ тринадцатилѣтняго же гимназиста Антошу Чехова. А Ѳедоръ Глинка (1788—1880) даже успѣлъ бы уже прочитать въ „Стрекозѣ“ первые опыты Антоши Чехонте. У насъ теперь все придумываютъ фантастическіе символы разныхъ вѣчныхъ двигателей и роковыхъ повторностей въ человѣчествѣ. Увы! дѣйствительность, какъ всегда, обгоняетъ литературные вымыслы. Что можно изобрѣсти символичнѣе жизни, одинъ конецъ которой сознательно упирается въ Державина, а другой — въ Антона Чехова? Между тѣмъ, Ѳедоръ Глинка, литераторъ карамзинской эпохи, и Тютчевъ, почти пушкинскій ровесникъ, далеко не единственные примѣры столь странныхъ живыхъ мостовъ въ литературной хронологіи, хотя Глинка, разумѣется, самый изъ нихъ выразительный. Учитесь грамотѣ въ царствованіе Екатерины и читать Антошу Чехонте, родиться въ послѣдніе дни творца „Недоросля“ (ум. 1792) и умереть въ юные дни творца „Вишневаго сада“ — вотъ историческое чудо глубокаго и прекраснаго значенія, выразительно и красиво говорящее человѣчеству объ условности эпохъ, о безсиліи дѣлений времени, о непрерывности и единствѣ въ живомъ прогрессѣ, о постоянной наслоемости въ ростѣ культуры, о преемствѣ исторіи съ рукъ на руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, о вѣчно зеленыхъ росткахъ, поднимающихся изъ тука механически смѣняемыхъ могилъ. Въ

самомъ дѣлѣ, попробуйте вообразить себѣ такую лѣстрицу:

Юноша, которому сейчасъ 21 годъ, въ пятнадцать лѣтъ сознательно засталъ Антона Чехова, умершаго въ 1904 году.

Антонъ Чеховъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею засталъ — ну, хоть, историка Погодина (ум. 1875), что ли, весьма замѣчательнаго и центрального человѣка, изъ біографіи котораго историкъ Барсуковъ ухитрился сдѣлать 24-томную превосходную лѣтопись русскаго девятнадцатаго вѣка.

Погодинъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею, застаётъ Державина (1816).

Державинъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею, застаётъ Ломоносова (1765).

Ломоносовъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею, застаётъ смерть Петра Великаго (1725).

Итого, всего четыре жизни человѣческихъ — совсѣмъ не сверхестественно долгихъ, а чеховская даже презмѣрно коротка, — отдѣляетъ 1910 г. отъ преобразования старой Руси, — всего четыре пересказа изъ устъ въ уста должно было пройти ея живое преданіе. Поколѣнію, вступающему сейчасъ въ жизнь, допотопный Державинъ — четвертая восходящая ступень — оказывается культурнымъ всего лишь прапрадѣдомъ, Ломоносовъ пра-прадѣдомъ, а затѣмъ — упираемся въ петрову реформу, и некуда дальше идти. Кажется такъ длинно, а на самомъ дѣлѣ — такъ коротко!

Не только пушкинская литература, но и предпушкинская не успѣла вымереть къ рожденію Чехова, или могилы ея были еще совсѣмъ свѣжи:

Всего 8 лѣтъ, какъ умеръ, въ лицѣ В. А. Жуковскаго (1852), старый русскій романтизмъ. И въ тотъ же самый годъ — Гоголь, начало той литературной школы, которой Чеховъ былъ уже конецъ.

Всего 5 лѣтъ — создатель русскаго стиха, послѣдній лирикъ XVIII и первый XIX вѣка, вдохновленный Батюшковъ (1855).

Всего годъ—С. Т. Аксаковъ (1791—1859), смолоду боець противъ Карамзина въ станѣ славяноруссозъ, на старости—ученикъ и идолопоклонникъ Гоголя и одинъ изъ гениальнѣйшихъ творцовъ русскаго литературнаго языка, на которомъ Чеховъ опять-таки былъ послѣднимъ мастеромъ-виртуозомъ.

Живъ былъ и справлялъ свой пятидесятилѣтній юбилей кн. П. А. Вяземскій. Живъ былъ П. А. Плетневъ. Чаадаевъ умеръ четыре года назадъ. Живы были многіе декабристы и участники наполеоновскихъ войнъ.

Что касается пушкинскаго поколѣнія, то-есть литераторовъ, родившихся къ концѣ послѣдняго десятилѣтія XVIII и въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, до отечественной войны, оно, какъ извѣстно, было жестоко опустошено насильственными и преждевременными смертями. Самъ А. С. Пушкинъ, кн. А. И. Одоевскій, А. А. Бестужевъ-Марлинскій, А. С. Грибоѣдовъ, Д. В. Веневитиновъ, А. И. Полежаевъ, Е. А. Баратынскій, Н. В. Гоголь, Н. М. Языковъ, А. В. Кольцовъ, В. Г. Бѣлинскій—никто изъ нихъ не прошелъ за переломъ пятого десятка. Самая долгая изъ этихъ жизней—Баратынскаго (1800—1844): сорокъ четыре года, чеховскій возрастъ. Самая короткая—Веневитинова (1806—1827): двадцать два года. Но, если бы не дуэли, не казни и ссылки, не кавказская война, не персидскіе кинжалы, не ранняя чахотка, то—въ нормальныхъ условіяхъ—все названные могли бы видѣть младенца Чехова далеко еще не дряхлыми старцами, даже самые старшіе—лѣтъ шестидесяти (Пушкинъ), шестидесяти пяти (Грибоѣдовъ). Изъ этого литературнаго поколѣнія Чеховъ успѣлъ быть современникомъ—правда, на кончикъ, но все же современникомъ: Ѳ. И. Тютчеву (1803—1873), В. Г. Бенедиктову (1807—1873), Н. В. Кукольникову (1809—1868), Н. Ф. Павлову (1805—1864), А. К. Жуковскому-Бернети (1810—1864), В. И. Далю (1802—1872), А. Ѳ. Вельтману, П. В. Анненкову (1812—1887), Н. И. Пирогову (1810—1881) и др. Помней Батюшковъ (р. 1810 г.), братъ поэта,

историкъ и издатель, умеръ только въ 1892 г.,—значитъ, былъ современникомъ Чехова 32 года! Лицейскій товарищъ Пушкина, канцлеръ кн. А. М. Горчаковъ, двумя годами старшій поэта, умеръ въ 1883 году.

Поколѣніе Герцена и Лермонтова, зачатое въ волненіяхъ отечественной войны и парижскаго похода, было въ полной силѣ. Это лучшая пора А. И. Герцена (1812—1870) и Н. П. Огарева (1813—1877). Бакуинъ (1814—1876) только что вырвался изъ ссылки. Шевченко (1814—1861) умираетъ годомъ позже, И. И. Панаевъ (1812—1862) двумя годами позже чеховскаго рожденія. И. А. Гончаровъ (1812—1891) переживаетъ полученіе Чеховымъ пушкинской преміи. Гр. В. А. Соллогубъ (1814—1889), авторъ „Тарантаса“, ровесникъ Лермонтова, Бакунина и Шевченко, принимавшій участіе въ дуэли Пушкина и написавшій пасквильный романъ о Лермонтовѣ, успѣлъ передъ смертью прочитать и „Стень“ и „Скучную исторію“.

Дальше—въ тургеневскій періодъ, къ людямъ сороковыхъ годовъ,—эти хронологическія сопоставленія не стоитъ продолжать: они очевидны сами собою. Достаточно указать, что въ 1860 году императора Александра Второго, ровесника Тургеневу (1818 г.), пресса заграничная звала еще молодымъ государемъ, а самъ Тургеневъ весьма кокетничалъ не только съ дамами, но и съ друзьями своею преждевременною сѣдиною и мнимою старостью. Ему было тогда 42 года; возрастъ—сейчасъ, хотя бы, на примѣръ.—Бальмонта (1867), котораго, конечно, никто въ русской публикѣ не почитаетъ еще не только пожилымъ, но даже окончательно завершеннымъ, остановившимся писателемъ. Возрастъ Вересаева (1867), Мякотина, Пѣшихонова, Горнфельда, а такіе, несомнѣнно еще „молодые“ писатели, какъ Чirikовъ, Танъ, Фофановъ, Дорошевичъ,—уже старше.

Любопытно, что люди сороковыхъ годовъ, сверстники Тургенева, за весьма немногими исключеніями, сошли

въ могилу какъ-то, въ общемъ, быстрее предшествующихъ поколѣній, хотя между ними не свирѣпствовали ни насильственные смерти, уничтожавшія ихъ отцовъ и старшихъ братьевъ—пушкинское и лермонтовское поколѣнія,—ни недуги скудной жизни и дурного питанія, сократившіе жизненные сроки ихъ наслѣдниковъ, литераторовъ-разночинцевъ пятидесятихъ, шестидесятихъ, семидесятихъ годовъ, и почти не знали они (исключая группу петрашевцевъ) политическихъ гоненій, тюремъ, ссылокъ, бича ихъ литературныхъ внуковъ. Поколѣніе, казалось бы, было здоровое, сытое, выкормленное дворянскимъ привольемъ и хлѣбами еще даже не дрогнувшаго крѣпостного рабства, — и жили они какъ-будто подолгу, — а, въ общемъ, исчезли съ лица земли поразительно скоро. Началось вымирание уже въ семидесятихъ годахъ (Авдѣевъ, Алексѣй Толстой, Некрасовъ). Знаменитый пушкинскій праздникъ 1880 года словно устроилъ имъ роковой предсмертный смотръ, а тамъ и пошли валиться великіе дубы: Достоевскій, Писемскій, Тургеневъ, Мельниковъ-Печерскій, Катковъ, Островскій, Юрьевъ, Салтыковъ, Хвощинская были ликвидированы на протяженіи одного десятилѣтія. Девяностые годы добила остальныхъ: Григоровича, Плещеева, Майкова, Полонскаго, Фета, Лаврова. Въ двадцатый вѣкъ перебрались лишь трое: Жемчужниковъ, Стасюлевичъ и—великій, какъ бы внѣисторическій особенникъ русской литературы—Левъ Николаевичъ Толстой. Да и то они скорѣе уже „пятидесятники“. Современниковъ Пушкина было не трудно найти пятьдесятъ и даже шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Пушкина. Современниковъ Тургенева считаемъ по пальцамъ уже сейчасъ, хотя всего лишь 27 лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ его кончины, и лишь девяносто два года отъ рожденія. Мы, чеховскіе ровесники, восьмидесятники, уже съ ними, въ литературный нашъ періодъ, не жили, а только писали имъ смолоду некрологи и эпитафіи. Если порыться хотя бы въ „Будильникѣ“ восьмидесятихъ годовъ, не мало тамъ найдется литературно-погребальной

чеховской прозы: словесныя литіи по отходившимъ изъ міра авторитетамъ „золотого вѣка“—людямъ сороковыхъ годовъ.

Въ театрѣ Чеховъ—ровесникъ „Грозы“: опять-таки поворотный пунктъ въ драматическомъ искусствѣ къ психологической эволюціи, которая разрѣшилась выводами и подвела итоги свои въ „Ивановѣ“, „Дядѣ Ванѣ“, „Чайкѣ“, „Трехъ сестрахъ“, „Вишневомъ садѣ“. Ровесникъ Чехову—литературный фондъ: первый русскій опытъ—къ сожалѣнію, неудачный, ибо застуженный правительствомъ на скромной точкѣ профессиональной взаимопомощи—сложить литературное сословіе въ самостоятельную правовую единицу, обособленность котораго была продиктована насущною потребностью: паденіемъ обезпеченной дворянской литературы и демократическимъ торжествомъ писателя-разночинца, больного, какъ Добролюбовъ, нищаго, какъ Рѣшетниковъ, Левитовъ, Николай Успенскій. Чеховъ родился тѣломъ, когда эта литература рождалась духомъ. Ему—величайшему изъ писателей-разночинцевъ, художнику обывательщины и мѣщанства—суждено было извлечь изъ-подъ грубыхъ, скорбныхъ оболочекъ и показать внутреннее изящество ея, надломленныхъ въ тѣсной жизни, душъ, просвѣтлить ее грустною красотою, повѣдать міру ее предсмертную исповѣдь („Ивановъ“, „Дядя Ваня“, „Чайка“, „Три сестры“), и—въ общей отходной—помирить ее, общою же безнадежностью, и съ прошлымъ, которое она сломала (дворянское поколѣніе „Вишневаго сада“), и съ будущимъ, которое шло ее сломать (молодежь „Вишневаго сада“). Ровесница Чехову „Искра“ (1859) В. С. Курочкина и Н. А. Степанова: могучая сатирическая жаръ-птица, изъ пепла которой со временемъ возникли тѣ, гораздо болѣе скромные, фениксы—„Стрекоза“, „Будильникъ“, „Осколки“—что дали первый пріютъ юмористическому лепету Антоши Чехонте. Развѣ, опять-таки, не знаменательно это почти совпаденіе возобновленія русской сатирической журналистики, послѣ чуть не столѣтней

спячки, съ рожденіемъ на свѣтъ лучшаго русскаго юмориста? Духъ времени требуетъ, чтобы явился талантъ, и родился талантъ, который нуженъ времени, а покуда онъ растетъ, духъ времени готовить ему школу и арену.

II.

О письмахъ Антона Чехова.

Въ Москвѣ началось изданіе „Чеховской Библіотеки“: вышелъ въ свѣтъ первый томъ систематическаго свода переписки Антона Павловича, подъ редакціей и съ примѣчаніями Владиміра Брендера и съ маленькою вступительною статьею Ю. Айхенвальда.

Трудъ этотъ, конечно, не безъ недостатковъ. Главнѣйшій изъ нихъ—спѣшность, выразившаяся даже въ техническомъ исполненіи красиваго изданія: много опечатокъ, и нѣкоторыя непріятны. Но, во всякомъ случаѣ, это—первое собраніе 168 писемъ А. П. Чехова, которое пробуетъ освѣтить въ хронологической системѣ всю его жизнь, и попытка В. А. Брендера заслуживаетъ полного сочувствія. Хаосъ чеховской переписки, нагроможденной г. Бочкаревымъ и др., начинаетъ раздвигаться. Несомнѣнно, что, когда выйдутъ въ свѣтъ всѣ томы писемъ А. П. Чехова, изданіе придется переработать заново—для общаго хронологическаго порядка и текста не *varietur*. Тѣмъ болѣе пріятно видѣть, что подготовительный трудъ творится съ добросовѣстностью и благоговѣніемъ къ своему предмету. 41 письмо печатается впервые. Возстановлено множество именъ и пропусковъ въ текстѣ. Даны любопытнѣйшіе факсимиле юмористическихъ рисунковъ Антона Павловича. Перепечатаны его первыя статейки изъ „Стрекозы“. Вообще, томикъ—хоть куда, и для изученія Чехова отнынѣ будетъ необходимъ. Плохъ портретъ А. П. на обложкѣ, но, такъ какъ „Чехов-

ская Библіотека“ обѣщаетъ дать специальный альбомъ чеховскихъ портретовъ, то временно съ этимъ пробѣломъ помириться возможно.

Чеховъ въ послѣднее время что-то не въ милости у обывателей. Сперва г. Ежовъ пытался его развѣнчать, потомъ какой-то г. Фидель. Тѣмъ болѣе своевременно,—въ пору праздной болтовни и бабьихъ сплетенъ о Чеховѣ,—чтобы Антонъ Павловичъ самъ заговорилъ о себѣ изъ-за гробовой доски, возстановляя правду—ясную и нелицепріятную.

* * *

Даты надъ нѣкоторыми письмами сомнительны.

Напримѣръ: Ф. О. Шехтелю, 4 октября 1891 года.

— Былъ я въ Львовѣ (Лембергѣ) на польской выставкѣ и видѣлъ тамъ патріотическую, но очень жидкую живопись.

Польская выставка во Львовѣ была не въ 1891, но въ 1894 году. Знаю твердо, потому что во время ея жилъ во Львовѣ довольно долго, хвораая послѣ маленькой операціи, произведенной мнѣ въ Вѣнѣ.

* * *

В. А. Брендеръ, согласно воспоминаніямъ М. П. Чехова, полагаетъ, что оригиналомъ для графа Шабельскаго („Ивановъ“) и Гаева („Вишневыя салты“) послужилъ Вл. Петр. Бѣгичевъ. Врядъ ли это такъ. Развѣ, что знаменитый московскій левъ и Донъ-Жуанъ пятидесятихъ-семидесятихъ годовъ на старости лѣтъ развалился настолько, что сталъ неузнаваемъ. Во всякомъ случаѣ, во Вл. Петр. Бѣгичевѣ, конецъ блеска котораго я еще засталъ немножко, входя юношей въ московскій свѣтъ, не было ни капли свойствъ, полагающихъ „недотепу“. Напротивъ, управляя конторою Императорскихъ театровъ, онъ вертѣлъ и дѣлами ея и капиталами, какъ хотѣлъ, и оставилъ по себѣ память чело-вѣка, правда, барски усерднаго въ расточеніи денегъ, но и чрезвычайно практическаго и безцеремоннаго въ

приобрѣтеніи. В. П. Бѣгичевъ былъ лютымъ врагомъ русской музыки, съ откровеннымъ пинизмомъ сознаваясь вслухъ, что „русская опера ему невыгодна“, и, покуда онъ стоялъ во главѣ московскихъ театровъ,—а продолжалось это очень долго,—успѣлъ превратить ввѣренную ему русскую труппу въ курьезнѣйшую богадѣльню, которую держали чуть ли не исключительно для того, чтобы было кому все-таки пѣть „Жизнь за Царя“ по царскимъ днямъ. На ряду съ этимъ безобразіемъ процвѣтала блистательнѣйшая итальянская опера, организованная по системѣ *do ut des*, и потому кончавшая каждый сезонъ чудовищными дефицитами. Держался въ театрѣ Бѣгичевъ крѣпко—главнымъ образомъ, женскими протекціями, ибо смолоду и до старости прожилъ неотразимымъ красавцемъ и всесвѣтнымъ побѣдителемъ слабаго пола, подымаясь по лѣстницѣ амуровъ до принцессъ крови и снисходя до горничныхъ. Болеславъ Маркевичъ,—портретно и съ лакейскимъ энтузіазмомъ пошлѣйшаго Лепорелло,—дважды написалъ Бѣгичева, подѣ фамиліей Ашанина, молодымъ человѣкомъ (въ романѣ „Четверть вѣка назадъ“) и на склонѣ лѣтъ (въ „Переломѣ“), при чемъ изобразилъ нѣкоторыя похождения російскаго Фоблаза фотографически и съ колѣнопреклоненіемъ предъ половымъ его геніемъ. Одинъ изъ этихъ эпизодовъ далъ сюжетъ мелодрамѣ „Чада жизни“ („Ольга Ганцева“), долго державшейся на сценѣ, благодаря превосходной игрѣ М. Г. Савиной. Интриганъ Бѣгичевъ былъ великій, но баринъ вѣжливый и любезный и — чѣмъ вѣжливѣе и любезнѣе, тѣмъ опаснѣе. Я живо помню В. П. Бѣгичева въ концѣ семидесятыхъ годовъ уже весьма немолодымъ, но еще эффектнымъ и необычайно изящно одѣтымъ мужчиною типа некрасовскаго „Папаша“. Такихъ великолѣпныхъ бакенбардъ и у самого Кречинскаго не было! Обладалъ всевозможными полуталантами, былъ блестящій *causeur* и злой острякъ. За исключеніемъ послѣдняго свойства, что же общаго между Шабельскимъ и Бѣгичевымъ? О Гаевѣ, который,

кабы не Фирсъ, вѣчно безъ носового платка ходилъ бы, нечего и говорить. Гаевъ весь—несчастный баринъ-джентльмэнъ. Бѣгичевъ былъ весь — счастливый баринъ-авантюристъ, лермонтовскій „Сашка“, достигшій зрѣлыхъ лѣтъ и полнаго типическаго развитія, „послѣдній русскій эпикуреецъ“ крѣпостнической закваски. Гаевъ—крушеніе русскаго Шиллера, Бѣгичевъ—послѣднее слово російскаго Парни, да едва ли и не безъ Баркова. Онъ самъ хвастался, что одну свѣтскую даму взялъ... на крышкѣ гроба новопреставленнаго мужа ея, лежавшаго на столѣ въ сосѣдней комнатѣ. Много изъ-за этого барина лилось слезъ! Не только женскихъ, но и мужскихъ вдоволь. Нѣтъ, какой же онъ Гаевъ! Куда Шабельскому до него! Прототипъ Шабельскаго—въ „Мѣщанахъ“ Писемскаго—графъ Хвостиковъ.

* * *

Поразительно ярка и вѣрна характеристика А. С. Суворина въ письмѣ къ И. Л. Щеглову изъ Θεοδοσίи отъ 18 іюля 1888 года, а сосѣднее письмо къ М. П. Чехову, собственно говоря, даже не письмо, но маленький художественный рассказъ—о ночномъ переходѣ по Черному морю отъ Сухума къ Поті... Любопытно, что Антонъ Павловичъ напророчилъ гибель пароходу „Диръ“, на которомъ совершилъ онъ это плаваніе: въ ту же осень „Диръ“ затонулъ у береговъ Алупки.

О Суворинѣ:

— Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя тоже самое, что сеттеръ въ охотѣ на бекасовъ, т. е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ, многого онъ не знаетъ, во всемъ онъ самоучка—отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богато надѣлила его природа,

поневоля онъ развить свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ.

Если къ этой фотографической картинѣ прибавить нѣсколько увлекательныхъ чертъ, какъ—глубочайшее уваженіе ко всякому литератору уже въ силу, что онъ литераторъ; совершенное отсутствіе профессиональной зависти и страсти къ злословію; способность безумно, почти по-стасовски, влюбляться въ писательскій или актерскій талантъ (и не скажу, чтобы слишкомъ быстро къ нему затѣмъ остывать); и трагикомическую ревность своихъ симпатій ко всякому иному на нихъ влиянію или съ ними сближенію, иногда смѣшную, часто досадную, но въ громадномъ большинствѣ глубоко-трогательную,—будетъ совершенно понятно, почему Чеховъ, какъ и многіе другіе, разорвавъ съ Суворинымъ связь въ области социальна-политическихъ идей, навсегда сохраняли къ этому высокоталантливому молодому старику личныя дружескія чувства и долгіе годы потомъ переживали—по чеховскому же выраженію—„Суворинъ-шмерцъ“.

* *

М. П. Чеховъ вспоминаетъ о домашнихъ спектакляхъ въ семьѣ Чеховыхъ, въ которыхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой.

— Играли на малороссійскомъ языкѣ про какого-то Чупруна и Чупруниху, гдѣ роль Чупруна исполнялъ все тотъ же Антоша.

По всей вѣроятности,—„Москаль-Чаривнікъ“?

* *

Знаменитый эпизодъ въ письмѣ къ Плещееву, отъ 28-го іюня 1888 года.

— Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, между окномъ и

ставней, соловей свилъ себѣ гнѣздо и при мнѣ вывелись изъ яицъ маленькіе соловейчики.

Недавно на Капри говорили объ этомъ при случаѣ. Максимъ Горькій, которому и книги въ руки, такъ какъ онъ страстный птичникъ, да и вообще знаетъ русскую природу, какъ, можетъ-быть, ни одинъ русскій литераторъ послѣ С. Т. Аксакова, утверждаетъ, что Антонъ Павловичъ ошибся: соловей никогда не гнѣздится и не размножается въ такихъ условіяхъ. Классическая книга Мензбира о птицахъ Россіи стоитъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ Горькаго. Пресловутые „соловейчики“, вѣроятно, повышены въ чинѣ изъ обыкновенныхъ воробьевъ.

* *

Недавно, какъ образецъ чеховской, якобы „надменности“ по отношенію къ бывшимъ товарищамъ по мелкой прессѣ, приводился его рѣзкій отзывъ о водевиляхъ В. В. Билибина.

Я тогда возражалъ по этому поводу слѣдующее:

„Да, если даже и серьезно Чеховъ сказалъ Билибину рѣзкое слово свое, то онъ былъ и правъ, и въ правѣ сказать. В. В. Билибинъ былъ человекъ талантливый, съ живою искрою мягкаго юмора, рѣдко изящнаго, съ джентльменскою способностью говорить неожиданно смѣшное, сохраняя строгое спокойствіе на лицѣ и въ тонѣ. Ждали отъ него, что выйдетъ хороший, большой юмористъ. Но Билибина потянуло къ авторству для сцены — и на самую убійственную для таланта отрасль: въ водевилѣ. И, конечно, для товарищей, уважавшихъ талантъ В. В. Билибина, совсемъ нерадостное зрѣлище было—наблюдать, какъ даровитый человекъ насилуетъ и растрчиваетъ юморъ свой, безконечно изобрѣтая „щекочущія подъ мышками“ положенія въ угоду райку Александринскаго театра. Чего же, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ какой-нибудь „Цитварный Ребенокъ“, какъ не быть брошеннымъ за бортъ по прочтеніи? Такъ что въ фразахъ Чехова, которыя г. Ежовъ пытается изобра-

зять какимъ-то надменнымъ генеральскимъ злопыхательствомъ, не звучало рѣшительно ничего, кромѣ дружескаго, товарищескаго предупрежденія: бросилъ бы ты, милый человѣкъ, заниматься глупостями,—ничего хорошаго изъ того не будетъ. И, дѣйствительно, ничего хорошаго не вышло. В. В. Билибинъ, сосредоточась на грубой фарсовой работѣ, размѣнялъ свой тонкій юморъ—и потерялъ талантъ фельетониста. Стариннаго И. Грѣка изъ „Осколковъ“ нельзя было узнать въ вяломъ и нудномъ Діогенѣ изъ „Новостей“.

Въ новомъ собраніи писемъ А. П. Чехова явилось письмо къ И. Л. Щеглову, отъ 12 апрѣля 1888 года, почти дословно сходящее съ вышеприведеннымъ моимъ взглядомъ на В. В. Билибина и на характеръ отношеній дружескихъ и литературныхъ, между нимъ и Чеховымъ. Вотъ эти строки:

„Билибинъ писалъ мнѣ, что вы часто видаетесь съ нимъ. Онъ милый человѣкъ, но немножко сухарь и немножко чиновникъ. Онъ очень порядоченъ и, въ чемъ я убѣжденъ уже давно, талантливъ. Талантъ у него большой, но знанія жизни ни на грошъ, а гдѣ нѣтъ знанія, тамъ нѣтъ и смѣлости. Держу пари на бутылку шампанскаго, что вы уже пророчили ему, что изъ него выйдетъ первый русскій водевилъ. Вы очень добрый и щедрый человѣкъ, но не желайте ему этого и своимъ театральнописательскимъ авторитетомъ не укрѣпляйте въ немъ его водевильныхъ надеждъ. Онъ хороший фельетонистъ; его слабость — французисто-водевильный, иногда даже б. . . и тонъ. Если же онъ примется родить цитварныхъ ребятъ, то ужъ ему вѣдь въ ковы не отдѣлаться отъ этого тона, и фельетонисту придется нѣтъ вѣчную память. Внушайте ему стиль строгій и чувства возвышенныя, а водевиль не уйдетъ“.

Я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ Чехова къ И. Л. Щеглову, — однако, подчеркнутыя строки свидѣтельствуютъ, что мотивы его рѣзкости я угадалъ совершенно точно—даже до негодованія на „Цитварнаго Ребенка“ включительно. Отсюда слѣдуетъ, что такъ ду-

малъ объ уклонѣ Билибина въ водевильизмъ не одинъ А. П. Чеховъ, но и большинство литературныхъ сверстниковъ Чехова, и память моя механически сохранила отчетливую схему тогдашнихъ разговоровъ на этотъ счетъ,—можетъ-быть, какого-нибудь даже и съ самимъ Антономъ Павловичемъ разговора. О Билибинѣ Чеховъ оказался печальнымъ, но безусловно точнымъ пророкомъ. И если онъ считалъ нужнымъ сказать пріятелю въ глаза предостерегающую правду, то именно потому, что считалъ его „человѣкомъ милымъ“, „большимъ талантомъ“, „очень порядочнымъ“ и „фельетонистомъ“ чистокровнымъ. Къ людямъ, которые были для него безразличны, Чеховъ подобныхъ опекающихъ укоровъ не обращалъ.

* * *

Ставили Чехову въ упрекъ неуваженіе къ „Фрегату Палладѣ“ Гончарова,—онъ-де назвалъ эту вещь „скучною штукою“. Грѣхъ Чехова тѣмъ ужаснѣе, что — оказывается теперь — онъ, вдобавокъ, такъ сказать, измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, ибо ранѣе, когда не былъ знаменитымъ, рекомендовалъ брату Михаилу Павловичу:

— Если желаешь прочесть нескучное путешествіе, прочти „Фрегатъ Палладу“ Гончарова...

Каковъ? Самъ же расписался чернымъ по бѣлому, что нескучно, а потомъ, вдругъ, взялъ да и обругалъ?

Одна бѣда: въ годъ этого совѣта Антону Павловичу было 17 лѣтъ и учился онъ въ шестомъ классѣ гимназіи, а Михаилъ Павловичъ — во второмъ. Неужели поклонникамъ Гончарова хотѣлось бы, чтобы Антонъ Павловичъ всю жизнь сохранялъ литературные взгляды шестиклассника и вкусы второклассника? Для второклассниковъ „Фрегатъ Палладу“, вѣроятно, и въ дни славы своей Чеховъ продолжать считать пригодною.

* * *

Отношение Чехова къ Л. Н. Толстому.

1. Письмо къ Плещееву, 1889 года.

— По-моему, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполненія „Крейцеровой сонатѣ“ (Толстого). Не говоря уже о художественныхъ достоинствахъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: „Это правда!“ или „это вѣрно!“... Одно, чего не хочется простить ей автору, а именно — смѣлость, съ какой Толстой трактуетъ о томъ, чего онъ не знаетъ и чего изъ упрямства не хочетъ понять. Такъ его сужденія о сифилисѣ, о воспитательныхъ домахъ, объ отвращеніи женщины къ совокупленію и проч. не только могутъ быть оспариваемы, но и прямо изобличаютъ человека, не потрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три книжки, написанныя специалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, какъ перья отъ вѣтра; въ виду достоинства повѣсти ихъ просто не замѣчаешь и т. д.

2. Письмо къ А. С. Суворину, 1894 года.

— Во мнѣ течетъ мужицкая кровь, и меня не удивили мужицкими добродѣтелями... Но толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6-7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человеку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса. Война зло и судъ зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ и его женой и проч., и проч.

3. Къ М. О. Меньшикову, 28 января 1900 года изъ Ялты:

— Я боюсь смерти Толстого. Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Во-первыхъ, я ни одного человека не любилъ такъ, какъ его; я человекъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру. Во-вторыхъ, когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и приятно быть литераторомъ; даже сознавать, что ничего не сдѣлалъ и не дѣлаешь,—не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ... Въ-третьихъ, Толстой стоитъ крѣпко, авторитетъ у него громадный, и, пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякія шершавыя, озлобленныя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни. Только одинъ его нравственный авторитетъ способенъ держать на извѣстной высотѣ, такъ называемыя, литературныя настроенія и теченія. Безъ него бы это было безпастушное стадо или каша, въ которой трудно было бы разобраться.

О „Воскресеніи“:

— Самое неинтересное—это все, что говорится объ отношеніяхъ Нехлюдова къ Катюшѣ, и самое интересное—князя, генералы, тетуски, мужики, арестанты, смотрителя. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крѣпости, спирита, я читалъ съ замираніемъ духа—такъ хорошо!.. Конца у повѣсти нѣтъ, а то, что есть, нельзя назвать концомъ. Писать, писать, а потомъ взять и свалить все на текстъ изъ Евангелія—это ужъ очень по-богословски. Рѣшать все текстомъ изъ Евангелія — это такъ же произвольно, какъ дѣлать арестантовъ на пять разрядовъ. Почему на пять, а не на десять? Надо сначала заставить увѣровать въ Евангеліе, въ то, что именно оно истина, а потомъ ужъ рѣшать все текстами.

Опять-таки еще такъ недавно насъ хотѣли увѣрить, что — по мѣрѣ роста славы своей—Чеховъ сталъ относиться „не безъ надменности“ къ „самому“ Толстому. И опять-таки я убѣждаюсь, что былъ правъ въ своей по этому поводу гипотезѣ:

— „Что мнѣ вашъ Толстой?“

Надо знать, какой взглядъ Толстого вызвалъ такую отвѣдь Чехова. Антонъ Павловичъ, какъ всѣ мы, уважалъ въ Толстомъ художника, но въ немъ, истинномъ позитивистѣ, литературномъ наслѣдникѣ Базарова, блистательнѣйшемъ представителѣ и учителѣ материалистическаго анализа, не было даже слѣда способности къ идолопоклонству и покорству предъ авторитетомъ. И—если на этой почвѣ какой-нибудь благоговѣйный фанатикъ Ясной Поляны преподнесъ Чехову, въ спорѣ вмѣсто аргумента непреложное *verbum magistri, ipse dixit*, то рѣшительно нѣтъ ничего ни къ удивленію, ни къ порицанію въ томъ, что Антонъ Павловичъ отвѣтилъ на возраженіе, какъ оно того заслуживало:

— А что мнѣ вашъ Толстой?

Уважать гений въ человѣкѣ—одно. Признавать его законодателемъ и папою непогрѣшимымъ—другое. Къ первому въ Чеховѣ была способность необычайно широкая. Но „любленіе твари наче Бога“ и безапелляціонное признаніе авторитетовъ было ему дико, и—не былъ бы Чеховъ великимъ „атомистомъ“, если бы можно было зажать ему въ спорѣ ротъ суевѣрнымъ воплемъ ужаса:

— „Толстой сказалъ! Вы возстаєте на Толстого!“ *)

Любви къ Толстому, той настоящей уважающей любви, которой основы суть правда и анализъ, величину и смыслъ любимаго предмета опредѣляющій, въ Чеховѣ было несомнѣнно во сто разъ больше, чѣмъ въ толстовскихъ идолопоклонникахъ, слѣпо клянувшихся *in verba magistri*. Не говоря уже о ловкачахъ, выгодно потрафляющихъ на сказанныхъ идолопоклонниковъ сантиментальною печатною болтовнею, — о тѣхъ, кого Чеховъ опредѣляетъ рѣзкою, но безусловно справедливою фразою:

*) См. въ моихъ „Тризнахъ“ и „Замѣтахъ сердца“.

— О Толстомъ пишутъ, какъ старухи объ юродивомъ, всякій елейный вздоръ.

* * *

Изъ письма къ С. П. Дягилеву—12 іюля 1903 г.—отказъ отъ предложенія редактировать „Міръ Искусства“:

— Какъ бы это я ужился подъ одной крышей съ Д. С. Мережковскимъ, который вѣруетъ опредѣленно, вѣруетъ учительски въ то время, какъ я давно растерялъ свою вѣру и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго. Я уважаю Д. С. и цѣню его и какъ человѣка и какъ литературнаго дѣятеля, но вѣдь возъ-то мы, если и поведемъ, то въ разные стороны.

* * *

* Чеховъ былъ человѣкъ въ высшей степени родственный. Нѣжный и хорошій другъ всей своей семьи. Однако, въ сантиментальность онъ и тутъ не впадалъ, и основная правда, пропитавшая насквозь его характеръ и всю жизнь его, ему и тутъ не измѣняла. Съ домашними своими, если судить по письмамъ новаго сборника, Антонъ Павловичъ умѣлъ иногда, въ случаѣ надобности, поговорить крутенько и съ авторитетомъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо его отъ 1885 года къ брату Николаю, художнику, котораго онъ очень любилъ. Конечно, наказуетъ любящая рука, но, какъ вспомнишь бѣднаго и милѣйшаго Николая Павловича (большой талантъ преждевременно угасъ въ этомъ человѣкѣ!), то, даже заднимъ числомъ, вчужѣ больно вообразить, каково было ему смотрѣться въ страшное зеркало, поставленное братомъ, въ неумолимомъ всеоружіи внимательнаго „атомизма“. Я зналъ Николая Павловича только по редакціоннымъ встрѣчамъ, да нѣсколько разъ посидѣли вмѣстѣ у Вельде, пиво пили, да однажды, „въ знакъ чувства“, обмѣнялись на память я—экспромтомъ (смолоду иногда могъ!), онъ—головкою какой-то красиво растрепанной

дамы. Такъ какъ Антонъ Павловичъ читаетъ брату суровую нотацию, то, понятно, черныя краски характеристики сгущены, а бѣлыхъ, оправдывающихъ, умышленно нѣтъ вовсе. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ (особенно въ пунктѣ 6—„воспитанныхъ людей не занимаютъ такіе фальшивые брильянты, какъ знакомство съ знаменитостями, рукопожатіе полнаго Плеваки, восторгъ встрѣчнаго въ Salon'ѣ, извѣстность по портернымъ“ и пр., и пр.), Николай Чеховъ встаетъ какъ живой, даже для поверхностнаго воспоминанія. „Дѣлая на грошъ, они не носятъ со своей папкой на сто рублей“... Эта злополучная папка Николая Чехова была кошмаромъ аккуратнѣйшаго А. Д. Курепина. Придешь, бывало, къ нему—сидитъ грустный.

— Что вы такой?

— Охъ, Николай Чеховъ былъ.

— Принеси что-нибудь?

— Охъ, папку принеси... большую папку!

— А рисунокъ?

— Рисунокъ, конечно, не принеси. Когда же онъ рисунки въ папкѣ приносить? Если папка, то... А вы стихи принесли?

— Стихи?... Н-н-не совсѣмъ... Н-нѣтъ...

— Охъ! То-то вы съ портфелемъ!

* * *

Отъ среды (?) 1887 года А. П. Чеховъ пишетъ Ф. О. Шехтелю:

— У насъ было затменіе. Въ 32 № „Осколковъ“ я заплатилъ дань этому величественному явленію.

Не описали это? Не „Будильника“ ли? Разсказъ вспыльчиваго человѣка о затменіи 1887 года былъ, помнится, помѣщенъ въ „Будильникѣ“, да и врядъ ли могъ быть напечатанъ въ другомъ журналѣ, такъ какъ самую идею записокъ вспыльчиваго человѣка, который на дѣлѣ совсѣмъ не вспыльчивъ, напротивъ, мокрая курица, далъ Чехову, какъ редакціонную тему, В. Д. Левинскій.

Впрочемъ, можетъ-быть, въ „Осколкахъ“ было что-нибудь другое? Я въ это время уже не пристально слѣдилъ за сатирическими журналами, такъ какъ временно „эволюционировалъ“ изъ юмористики въ оперу и чуть ли не въ самый день затменія уѣхалъ изъ Москвы въ Тифлисъ пѣть царя Амонасро въ „Аидѣ“.

III.

Была у меня юношеская поэма „Демонъ“. Напечатать теперь подъ псевдонимомъ „начинающаго поэта“, — пожалуй, имѣла бы успѣхъ, потому что байроническаго богоборчества и треска міровой скорби, столь нынѣ опять модныхъ, напихано въ нее было—конца краю нѣтъ! Но въ восьмидесятыхъ годахъ стихи были еще не въ аванжѣ, и прослыть лирикомъ, а ужъ тѣмъ паче авторомъ поэмы—большой поэмы, въ серьезъ написанной поэмы—было какъ-то жутко и неловко. Поэтому „Демонъ“ мой лишь украдкою печатался въ провинціальныхъ изданіяхъ—отрывками и подъ разными названіями. Имени „Демонъ“ я такъ и не посмѣлъ ему дать: слишкомъ велика казалась претензія. Тѣмъ болѣе, что—былъ таки грѣхъ!—хотѣлось поправить Михаила Юрьевича и сдѣлать нечистаго болѣе стойкимъ и логическимъ революціонеромъ, чѣмъ лермонтовскій Демонъ, а его смертную пассію (она у меня итальянка была) болѣе духовною и идейно развитою дѣвицею, чѣмъ лермонтовская дикарка, грузинка Тамара. Отъ московскихъ товарищей, молодыхъ писателей, я „Демона“ скрывалъ, какъ нѣкій грѣхъ тайный. Но однажды Антонъ Павловичъ, въ то время уже извѣстность, послѣ „Степи“ и пушкинской преміи, встрѣчаетъ меня на Петровкѣ и, съ мѣста въ карьеръ, кажется, даже не поздоровавшись, говоритъ ироническимъ басомъ:

— Слушайте, Лермонтовъ, почему же вы Демоновъ пишете, а грамотнымъ людямъ не показываете?

— О, чортъ! вотъ сюрпризъ! Вы-то откуда узнали?

— Приѣзжій армянинъ изъ Тифлиса разсказалъ. Для Тыплызъ пишешь, дюша мой? Послушайте же, Михаилъ Юрьевичъ, это съ вашей стороны таинственно и нехорошо...

Въ концѣ-концовъ отпразднелись мы въ Татарскій ресторанъ (былъ такой въ Петровскихъ линияхъ), и тамъ, за пивомъ, я долженъ былъ продекламировать Чехову „избранныя мѣста“. Онъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, воистину достойнымъ лучшей участи.

Потерпѣвъ полное любовное крушеніе, разбитый по всему фронту, мой Демонъ произносилъ надъ прахомъ своей погибшей возлюбленной весьма трогательный монологъ, въ которомъ, между прочимъ, имѣлась такая аттестація:

Была ты,
Какъ изумрудъ, душой свѣтла!

Чеховъ оживился:

— Какъ? что? какъ?

— „Какъ изумрудъ, душой свѣтла“...

— Послушайте, Байронъ: почему же вашъ Демонъ увѣренъ, что у нея душа—зеленая?

Разсмѣшилъ меня—и стихъ умеръ.

А послѣ сказалъ:

— Стихи красивые, а—что не печатаете, ей-ей, хорошо дѣлаете, право... Ни къ чему всѣ эти черти съ чувствами... И съ человѣками сущее горе, а еще черти страдать начнутъ.

— Такъ символъ же, Антонъ Павловичъ!

— Слушайте: что же—символъ? Человѣкъ долженъ писать человѣческую правду. Если черти существуютъ въ природѣ, то о чертяхъ пусть черти и пишутъ.

Каламбура своего насчетъ души Чеховъ не забылъ. Нѣсколько лѣтъ спустя засталъ я его въ лютѣмъ спорѣ съ издателемъ покойнаго „Артиста“, Ѳ. П. Куманинымъ, объ одной актрисѣ, до сихъ поръ не совершенно вы-

шедшей изъ моды, а тогда только начинавшей дѣлать карьеру, съ большимъ рекламнымъ шумомъ и самохвальствомъ-модернъ, тоже еще необычнымъ и дикимъ въ тѣ смирныя времена. Куманинъ заступался за артистку. Антонъ Павловичъ жестоко надъ нею издѣвался:

— Послушай же, она, просто, отсырѣвшій фাগоть съ засоренными клапанами.

— Согласитесь, Антонъ Павловичъ, что (Куманинъ называлъ роль) она играла съ душою? Александръ Валентиновичъ!—обратился онъ ко мнѣ, — поддержите меня: вѣдь слышна душа? вѣдь, не безъ души актриса?

— Нашли на кого ссылаться, — прогудѣлъ Антонъ Павловичъ.—Я ему не повѣрю: онъ думаетъ, что у женщинъ зеленая душа.

* * *

По возвращеніи Антона Павловича съ Сахалина, былъ я у него въ Москвѣ на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ, кажется, Фирганга. Я уже говорилъ объ этомъ визитѣ въ „Записной книжкѣ“ своей.*) При свиданіи нашемъ присутствовалъ свидѣтель—живой, но безмолвный, и преудивительный: звѣрекъ изъ породы виперъ,—кажется, мангусъ его названіе, — котораго Антонъ Павловичъ вывезъ изъ Сингапура. Болѣе красиваго и милаго домашняго звѣря вообразить себѣ нельзя; шкурка его была въ точномъ смыслѣ слова сизая—отливала по стальному общему фону оттѣнками радуги. Звѣрекъ этотъ—благодѣтель индусскихъ хозяйствъ, ибо неутомимо истребляетъ амбй и всякую иную тропическую гадину. Онъ и самъ-то — какая-то полузмѣя или мохнатая, теплая ящерица, съ страннымъ гибкимъ тѣломъ, которое, сужаясь, переходитъ въ хвостъ, а не хвостъ къ тѣлу привѣшенъ, какъ у большинства звѣрей. Мускульная энергія мангуса по-

*) См. въ „Тризнахѣ“.

разительна, за его движениями не успѣваешь слѣдить—живая молнія! И такъ какъ основная черта въ характерѣ мангуса—любопытство, то онъ ни минуты не посидитъ въ покоѣ, и радужная молнія сверкаетъ по комнатѣ непрерывно. Я не успѣлъ войти въ кабинетъ Антона Павловича, какъ мангусъ уже вскочилъ на меня, побывалъ рыльцемъ во всѣхъ карманахъ, уткнулся въ ухо, въ пуговицы, въ сапоги и, успокоившись, улетѣлъ на полку съ книгами. А, уходя отъ Чехова, я обрѣлъ это сокровище нѣжно спящимъ въ моей шляпѣ. Антонъ Павловичъ вывезъ изъ путешествія двухъ такихъ звѣрей. Одинъ скоро погибъ трагической смертью: его нечаянно завалили дровами въ печи, куда забнушій мангусъ любилъ забираться на поиски тропического тепла. Съ другимъ мангусомъ—кажется, именно моимъ знакомымъ—вышелъ трагикомическій скандалъ такого рода. Отецъ Антона Павловича, стригъ однажды ногти. Мангусу, по роковому любопытству его, конечно, необходимо было изслѣдовать, чѣмъ старикъ занимается, и что за блестящая штука у него въ рукахъ. Прыгнувъ, старика перепугалъ, а самъ напоролся на ножницы и порѣзался. Съ этого дня онъ возненавидѣлъ старика, ибо рѣшилъ,—пояснялъ самъ Антонъ Павловичъ,—что старикъ его укусилъ. Въ домѣ объ этомъ случаѣ уже забыли,—помнилъ одинъ только мангусъ—и тайлъ мсть. Въ квартирѣ Чеховыхъ былъ темный коридоръ. И вотъ, однажды, когда Чеховъ-отецъ пробирался по немъ, ничего дурного не ожидая, вдругъ, откуда-то сверху обрушивается на старика нѣчто живое—царапающее, кусающее, неистовое. Старикъ, въ паническомъ ужасѣ совершенно забывъ о мангусѣ, не зная, что и думать о таинственномъ существѣ, на него напавшемъ, обезсилѣлъ, сѣлъ на полъ и завопилъ о помощи. Сбѣжались домашніе. Мангусъ, конечно, удралъ, а потрясеннаго старика долго пришлось успокаивать прежде, чѣмъ онъ, что называется, отдышался. Понявъ, что это были мангуса

штуки, старикъ пришелъ въ ярость и заявилъ, что въ одномъ домѣ съ подобною свирѣпою дрянью онъ жить не согласенъ. Пришлось Антону Павловичу отдать любимца своего въ зоологическій садъ.

* *

О покойномъ А. П. Чеховѣ живая, остроумная М. М. Читау выразилась однажды:

— Онъ у меня всѣ стулья промолчалъ.

* *

Чеховъ очень рано познакомился съ товарищескою завистью. Редакторъ „Будильника“, А. Д. Курепинъ дважды показывалъ мнѣ анонимныя письма, якобы читательскія, которыя получалъ онъ—съ упреками, зачѣмъ „Будильникъ“ помѣщаетъ такъ много „бездарной“ прозы „скучнаго“ Антоши Чехонте и мало удѣляетъ мѣста высокоталантливымъ произведеніямъ нѣкотораго псевдонима, захватывающимъ читателя, привлекающимъ публику и дѣлающимъ честь журналу. Подобныхъ писемъ, по словамъ А. Д. Курепина, онъ получалъ много. Слогъ показался знакомымъ. Сравнилъ почерки: оказалось, пишетъ самъ высокоталантливый псевдонимъ!.. Любопытнѣе всего, что авторъ сихъ удивительныхъ продѣлокъ былъ не только не чужой Чехову, но даже довольно близкій человѣкъ.

* *

Я не умѣю кія взять въ руки, а А. Д. Курепинъ, Е. В. Пассекъ и А. П. Чеховъ были усердные бильярдисты. Я любилъ за кружкою пива сидѣть и смотрѣть, какъ они сражаются. Антонъ Павловичъ игралъ средне, Пассекъ хорошо, Курепинъ художественно. Играли страстно, съ увлеченіемъ. За дурные удары пикировались деликатно, но выразительно, иносказательно, но безпощадно, называя другъ друга фамиліями Пироне, Шальнова, Львова, Королева и прочихъ московскихъ знаменитостей по торговлѣ обувью.

Принесъ я однажды Курепину какіе-то заказанные „Будильникомъ“ стихи. Не вышло, совсѣмъ не вышло! Александръ Дмитриевичъ сдѣлалъ жалобное лицо, охнулъ по обыкновенію и говорить:

— Охъ, ну, это, знаете, совсѣмъ—какъ Антонъ Павловичъ на бильярдѣ играетъ!

Присутствующій Антонъ Павловичъ смолчалъ, но тѣмъ же вечеромъ отплатилъ сторичею. Были мы—всѣ вышеназванные, Н. М. Астыревъ, и, кажется, Н. П. Чеховъ—въ бильярдной Татарскаго ресторана. И вотъ, когда кто-то сдѣлалъ отчаянно скверный шаръ—„на себя“, Антонъ Павловичъ пробасилъ:

— Охъ! Ну, это, знаете, совсѣмъ, какъ Александръ Дмитриевичъ эниграммы пишетъ.

Курепинъ,—человѣкъ, вообще-то, чрезвычайно покладистый и незлобивый, но съ уязвленнымъ втайнѣ писательскимъ самолюбіемъ и давно разбитыми литературными надеждами (у этого превосходнѣйшаго и порядочнѣйшаго человѣка были всѣ лучшія данныя для литератора—и умъ, и вкусъ, и образованіе, и цѣльное міровоззрѣніе, все, кромѣ... таланта!) — серьезно обидѣлся и, выпивъ затѣмъ пива немного больше, чѣмъ слѣдовало, наговорилъ Чехову много неприятныхъ словъ... Антонъ Павловичъ, не ожидавшій, что обмѣнъ пріятельской шутки за шутку поведетъ къ такимъ острымъ послѣдствіямъ, былъ очень огорченъ и извинился съ самой теплою искренностью. Конечно, потомъ никто и не вспомнилъ мимолетной ссоры этой. Однако, со времени ея между Курепинымъ и Чеховымъ что-то лопнуло. Дружескія отношенія внѣшне остались безукоризненными, но погасла или, по крайней мѣрѣ, притушилась внутренняя теплота.

* * *

Какъ-то разъ въ 1895 или 96 году въ Москвѣ же устроился у меня маленькій литературный обѣдъ. Пріѣхалъ Антонъ Павловичъ. Онъ былъ нездоровъ и не въ духѣ, общество подобралось неудачно, какъ-то

неожиданно и случайно согласованное, время шло вяло, разговоръ вязался плохо, поминутно прерываясь паузами... Было отчаянно скучно. И, вдругъ, въ одну изъ печальныхъ паузъ, раздается въ концѣ стола голосъ шестилѣтняго сына моего, Владиміра, уныло разсуждающій вслухъ:

— У всѣхъ гости—какъ гости, а у насъ—ну, ужъ и гости у насъ. Чеховъ всегда молчитъ, какъ рыба, Имярекъ, что ни скажетъ, то совретъ...

Залпъ хохота не далъ ужасному ребенку договорить свои обличенія. Какъ чувствовалъ себя я, хозяинъ и родитель, легко представить. Но—enfant terrible выручилъ-таки. Чеховъ разсмѣялся, развеселился, сдѣлался живъ, разговорчивъ и остроуменъ, какъ даже рѣдко я его видалъ.

* * *

Вообще, говорить съ Чеховымъ вдвоемъ, съ глаза на глазъ или въ тѣсномъ кружкѣ не литераторовъ, или, хотя литераторовъ, но не изъ большихъ, не изъ корифеевъ, а, лучше всего, изъ старыхъ товарищей-москвичей, было всегда гораздо интереснѣе, чѣмъ въ большомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе съ участіемъ знаменитостей. Чеховъ былъ человѣкъ глубоко интимный.

Одинъ изъ самыхъ скучныхъ вечеровъ въ жизни былъ проведенъ втроемъ—какъ это ни странно — въ обществѣ Антона Павловича Чехова и Василя Ивановича Немировича-Данченко: значить — самаго тонкаго русскаго юмориста и едва ли не самаго блестящаго русскаго рассказчика и разговорщика, съ которымъ вдобавокъ я связанъ тѣснѣйшею дружбою, и, слѣдовательно, поговорить намъ всегда есть о чемъ. Дѣло было въ Петербургѣ у Лейнера. Мы съ Чеховымъ уговорились съѣхаться заранѣе, а Немировичъ подѣхалъ случайно. Покуда мы сидѣли вдвоемъ, Чеховъ былъ веселъ безконечно, острилъ, басилъ, но—съ пріѣздомъ Немировича—вдругъ, точно его въ воду опустили, сразу померкъ, угрюмо тянулъ пиво и мол-

чалъ именно, какъ рыба. Когда онъ уѣхалъ, даже такой снисходительный и всякой живой человѣческой душѣ навстрѣчу идущій человѣкъ, какъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, не удержался, чтобы не замѣтить:

— А и скучный же вашъ Чеховъ! Онъ всегда такой? Я съ досадою возразилъ:

— Ничего не скучный. Просто застѣнчивъ.

Добрѣйшій Василий Ивановичъ удовлетворился.

На другой день нарочно иду къ Антону Павловичу.

— Вы имѣете что-нибудь противъ Немировича?

— Помилуйте! Ровно ничего. Напротивъ, очень его почитаю. Интереснѣйшій, милѣйшій человѣкъ.

— Такъ зачѣмъ же вы вчера-то надулись?

— Я не дулся... Мнѣ—слушайте же—просто любопытно было... Вѣдь я съ братомъ его пріятель, а его совсѣмъ не знаю... Хотѣлъ послушать, посмотреть...

Къ этой манерѣ Антона Павловича—иногда среди общества уйти внутрь себя, заключиться въ наблюдательное вниманіе, скучное, почти суровое съ вида, надо было привыкнуть. Незнакомые люди легко принимали ее за угрюмость, нелюдимость, либо даже за недоброежелательство, и обижались. Еще въ некрологѣ Антона Павловича *) случилось мнѣ указать, что многіе, казалось бы, совсѣмъ неглупые и довольно чуткіе люди, которымъ было несчастье познакомиться съ Антономъ Павловичемъ въ этакое вотъ періодъ молчаливості, когда изъ него каждое слово хотъ клещами тяни,—выносили изъ свиданій съ нимъ впечатлѣнія весьма недоумѣлыя, и неоднократно въ девятидесятыхъ годахъ приходилось слышать даже такое, напримѣръ, милое разсужденіе:

— Умъ и дарованіе совсѣмъ не одно и то же... Вотъ, напримѣръ, Чеховъ. Талантъ, а глушь. Пожалуйста, не защищайте! Я лично съ нимъ знакома и два раза обѣдала съ нимъ въ Ялтѣ. Оба раза онъ

глубокомысленно промолчалъ три часа, не улыбувшись, отвѣчалъ—да и нѣтъ, уклонялся отъ интереснѣйшихъ вопросовъ, и единственная самостоятельная фраза, которую мы отъ него слышали:—Если можно, то я попрошу бы не кофе, но чаю...

Это изъ подлиннаго разговора съ женщиною, повторяю, далеко не глупою, развитою, причастною къ литературѣ. Да что—частные случаи! Замкнутость Антона Павловича сдѣлала, что о немъ установился почти общій предразсудокъ, будто онъ былъ человѣкъ, безразличный въ политическомъ и социальномъ отношеніи,—„безъ образа мыслей“. Это—Чеховъ-то! Лишь на пятомъ году послѣ смерти нѣкоторые воспоминанія, (напр., Елпатьевскаго) и переписка разрушили эту неумную догадку крикливаго русскаго легкомыслія, для котораго политичны только громкіе шумы пустыхъ бочекъ.

Глубоко интимный человѣкъ былъ Антонъ Павловичъ. Медленно и осторожно допускалъ онъ ближняго своего въ святыню своего генія. Вотъ ужъ въ чью душу никакъ нельзя было, что называется, влѣзть въ калошахъ. Осторожность, конечно, осложнялась еще боязнью утомленія людьми, обусловленною тяжелымъ хроническимъ недугомъ. Чуждый хвастовства и показности, безвыѣсочный и безвыставочный, Чеховъ—„живой домъ великаго таланта“—напоминалъ собою одинъ изъ тѣхъ странныхъ, скрытно-замкнутыхъ домовъ, что видишь въ слободахъ, населенныхъ сектантами, если даже не гонимыми, то и не весьма терпимыми. Домъ—какъ-будто обыкновенный, сѣрый, заурядъ обывательскій; ничего особеннаго—вотъ сѣни, вотъ горница, вотъ кухня, все, какъ у всѣхъ добрыхъ мѣщанъ. Но за стѣною гдѣ-то—тайна: моленная и въ ней радѣніе,—и вотъ туда-то, въ святыню-то хозяйскую, безъ воли хозяина, чужому ни за что не попасть, развѣ что весь домъ по бревну размечешь. А когда позоветъ хозяинъ, покажетъ, и войдешь,—хорошо тамъ, умиленно и свято, тепло и чисто на душѣ.

*) См. 2-е изданіе моихъ „Кургановъ“.

Великій знатокъ женской души, психологъ-атомистъ, интимнѣйшій другъ русской женщины, Антонъ Павловичъ Чеховъ въ жизни многимъ казался грубымъ въ своихъ личныхъ откровенно-матеріальныхъ взглядахъ на женщину. Многимъ—Аркадіямъ Николаевичамъ Кирсановымъ, любителямъ „говорить красиво“. Дѣйствительно, самъ Чеховъ по этой части иногда произносилъ слова весьма рѣзкія и совершенно лишеныя „условныхъ лжей“. Медикъ и физиологъ, внукъ Базарова, сидѣлъ въ немъ крѣпко и не допускалъ самообмановъ. Человѣкъ вполнѣ достовѣрный, личный и литературный другъ А. П. Чехова, рассказывалъ мнѣ, что, однажды, въ его присутствіи, когда нѣкій несчастный мужъ жаловался Антону Павловичу на ссоры свои съ женою и спрашивалъ совѣта, какъ спасти готовый рухнуть бракъ,—Чеховъ долго и участливо допрашивалъ этого горемыку обо всѣхъ тайныхъ подробностяхъ его супружеской жизни, а потомъ, присѣвъ къ столу, написалъ рецептъ какого-то средства, укрѣпляющаго половую энергію:

— Попробуйте-ка вотъ это!

Поэтому искусственно изощренные и утонченные въ амурахъ души, болтающія вообразительницы любовныхъ отвлеченностей, флертистки съ головнымъ развратомъ, специалистки любовныхъ грезъ, иллюзионистки пола, мнимыя идеалистки, съ разговорчивыми вождельніями безъ удовлетвореній, и прочія женскія чуда декаданса, качающіяся между мистицизмомъ и чувственностью, не имѣли надъ Чеховымъ никакой нравственной власти. Въ холостое время свое, Антонъ Павловичъ проходилъ сквозь кривляющийся міръ ихъ, лишь какъ внимательный врачъ-ординаторъ—сквозь палату № 6. Этотъ мірокъ полубезумныхъ, полумельмъ наслушался отъ него не мало горькихъ правдъ, острыхъ словечекъ и эпиграммъ въ прозѣ. И, крѣпко выстеганный Чеховымъ, не простилъ Чехову, что тотъ видѣлъ его насквозь. Именно оттуда выходили рои московскихъ сплетенъ о Чеховѣ, которыя до сихъ поръ не вполнѣ улеглись,

судя по нѣкоторымъ эпизодамъ въ патологической статьѣ г. Ежова. Въ 1895 году московская сплетня усиленно увѣряла, будто Чеховъ—на укоръ нѣкой „утонченницы“, почему онъ пересталъ у нея бывать,—отвѣтилъ якобы:—Потому что мнѣ скучно съ женщиной, которая не отдается...—Въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго не было. Я, все-таки, на всякій случай, позволилъ себѣ спросить Чехова, правда ли это. Онъ усмѣхнулся:

— Развѣ женщинамъ такое говорить? Тѣмъ болѣе—подобнымъ. Скажи я ей, она еще, сохрани Богъ, въ самомъ дѣлѣ, отдалась бы! Вѣдь истеричка же...

Но никто серьезнѣе, глубже, умиленнѣе Чехова не умѣлъ ни понять, ни благословить прекраснымъ словомъ благоуханная цѣломудрія натурно расцвѣтающей, великой и святой, родъ продолжающей, возвышенно тѣлесной, женской любви—будь-то цѣломудренная Вѣрочка, безпутная „Вѣдьма“, тоскующія „Бабы“, обездоленные старыя дѣвы, брошенная Сара, униженные проститутки, пѣвички, беременная помѣщица, красавица-армянка на постояломъ дворѣ.

Кто хочетъ понять Чехова въ его ясномъ и естественномъ взглядѣ на женщину, тотъ долженъ перечитать „Отцовъ и дѣтей“ и серьезно вдуматься въ любовь Базарова къ Одинцовой. Тамъ, въ намекъ тургеневскаго пропикновенія, зарыты корни и исходныя точки прекрасной женской галереи, которую завѣщаль намъ великій художникъ Чеховъ.

Въ письмахъ Чехова нѣкоторые пропуски указываютъ, по содержанію, какъ-будто на то, что въ подлинникѣ тутъ были пущены въ ходъ циническія выраженія. Это меня очень удивило, потому что я никогда, за всѣ 22 года знакомства нашего, не слыхалъ, чтобы Чеховъ говорилъ нехорошія слова или велъ фривольный разговоръ на циническія темы. Однажды, помню, еще до поѣздки на Сахалинъ, приносилъ онъ Курепину на поглядѣнье японскія карикатуры весьма непристойнаго содержанія, изображавшія оргію моряковъ,

заплывшихъ на островъ, населенный однѣми женщи-
нами. Но эти листы были столь высокой художествен-
ной цѣнности, такого совершенства въ рисунокѣ, кра-
скахъ, во всей technikѣ исполненія, что, если видѣть
въ нихъ „похабныя картинки“, то пришлось бы за-
черкнуть для искусства всего Фелисьена Ропса и школу
его послѣдователей. Вообще, „эротомана“ и „сладо-
страстника“ не было въ мѣщанской крови Чехова ни
капли. Онъ былъ больной человѣкъ, но — здоровая
кровь. Больныя легкія, но здоровый мозгъ, здоровая
кровь, здоровая нервная система, — а отсюда здоровая
мысль и здоровое чувство.
